

Association for Cognitive Studies

Ассоциация когнитивных исследований

Когнитивные
исследования

Cognitive Studies

7

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Коллектив авторов
Избранные труды конференции
«Когнитивные исследования
на современном этапе»
Серия «Когнитивные
исследования», книга 7

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66175236
Избранные труды конференции «Когнитивные исследования на
современном этапе»: «Когито-Центр»; Москва; 2017
ISBN 978-5-9270-0367-9, 978-5-89353-532-7

Аннотация

Серия «Когнитивные исследования» основана в 2006 г. с целью публикации монографий и сборников статей по актуальным проблемам когнитивной науки. Выпуск 7 посвящен публикации статей по результатам научных разработок, которые были представлены на Всероссийской конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» осенью 2017 г.: вопросам дискурса, познавательной деятельности человека и животных, коммуникативного взаимодействия,

опытам создания новых методик, репрезентации психических состояний.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Коллектив авторов	5
Российская когнитивная наука – разные люди и общие цели	6
Раздел I	13
Исследования дискурса при речевых патологиях на материале корпуса «Russian CliPS»[1]	13
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Коллектив авторов
Избранные труды конференции
«Когнитивные исследования
на современном этапе»

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

* * *

Российская когнитивная наука – разные люди и общие цели

В эту книгу включены статьи по результатам научных работ, которые были представлены на Всероссийской конференции «Когнитивные исследования на современном этапе» осенью 2017 г. в Казанском федеральном университете при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Основным организатором конференции выступила Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований (МАКИ). Вот уже много лет МАКИ участвует в создании и проведении подобных мероприятий, предоставляя отечественным и зарубежным исследователям возможности для общения, координируя сотрудничество в областях когнитивной науки. Нет сомнений, что ассоциация стала одной из авторитетных организаций в научном сообществе.

Нынешняя конференция прошла в год юбилея двух известных психологов, которые стояли у самых истоков МАКИ: 70-летия первого ее президента Бориса Митрофановича Величковского и 65-летия действующего президента Валерия Дмитриевича Соловьева.

Помимо несомненных научных заслуг, эти люди благодаря своей энергии и организационным талантам внесли значимый вклад в становление и развитие ассоциации.

Член-корреспондент РАН Борис Митрофанович Величковский, выпускник факультета психологии МГУ, один из наиболее известных в мире представителей отечественной когнитивной психологии. Его индекс Хирша, согласно базе данных Google Scholar, равен 32, а число цитирований приближается к четырем тысячам.

Борис Митрофанович – автор основополагающих трудов в области когнитивных исследований, первых отечественных руководств по когнитивной психологии и когнитивной науке, большого количества ярких журнальных статей с изложе-

нием результатов междисциплинарных исследований, число и разнообразие тем которых с течением времени неуклонно растет.

Б. М. Величковскому выпала судьба долго работать за границей, однако он никогда не забывал о своих корнях. По рекомендации А. Р. Лурии он в 1970–1971 гг. учится на физическом факультете Берлинского университета им. Гумбольдта и работает под руководством будущего президента Международной психологической ассоциации Ф. Кликса.

С осени 1989 г. Борис Митрофанович возглавлял кафедру нейропсихологии Билефельдского университета, в 1992–1993 гг. работал в Торонто, а с 1994 г. много лет был профессором в Технологическом университете Дрездена и директором одного из институтов этого университета.

В 1988 г. ему удается при поддержке Е. П. Велихова создать в МГУ первую в стране кафедру когнитивных исследований («Кафедра психологии и инженерии знаний»), а в 2008 г. по приглашению руководителей Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» Е. П. Велихова и М. В. Ковальчука он создал Институт когнитивных исследований, вошедший в настоящее время в состав Курчатовского комплекса НБИКС-технологий.

И конечно же, Борис Митрофанович стоял у истоков МАКИ. В 2004 г. по приглашению коллег он стал президентом-основателем ассоциации, а затем в 2006 г. был избран первым ее президентом.

При непосредственном участии Бориса Митрофановича организуется и проходит раз в два года «Международная конференция по когнитивной науке». Эта конференция давно уже стала знаковым научным событием для представителей российской когнитивной науки и смежных специальностей.

Постоянно преодолевая границы и барьеры, Борис Митрофанович остался верен идеям и принципам отечественной психологии. Его увлечение наукой и классической музыкой в последние годы дополнилось страстью к посадке деревьев.

По-другому сложился научный путь второго юбиляра – профессора Валерия Дмитриевича Соловьева. Призер меж-

дународной математической олимпиады школьников, он получил математическое образование в Казанском университете и достиг немало в исследованиях по математической логике и теории программирования. Гроссмейстер России по го, он трижды побеждал на первенстве Европы в командном зачете и дважды был призером в личном.

Уже после защиты кандидатской и докторской диссертаций по математике Валерий Дмитриевич проявляет интерес к лингвистике. И когда в 1983 г. у него рождается сын, В. Д. Соловьев не может упустить возможность проведения лонгитюдных исследований развития речи ребенка. Оценив важность когнитивистского взгляда на мир, он примерно одновременно с Е. С. Кубряковой начинает развивать в России когнитивную лингвистику.

Поражает многогранность интересов В. Д. Соловьева и его способность быстро переключаться на исследования в совершенно новой области. О многом свидетельствуют названия журналов, в которых он публиковал свои труды: «Успехи математических наук», «Cognitive Linguistics», «International Journal of Psychology», «International Journal of Applied Expert Systems», «Social Evolution & History», «Neurocomputing» и др.

Валерий Дмитриевич – неистощимый инициатор и организатор различных научных проектов. В 1995 г. в Казани по его инициативе возобновлен семинар «Диалог: компьютерная лингвистика и ее применения», с 1998 г. начинает

ежегодно проводится конференция «Когнитивное моделирование в лингвистике», которая быстро трансформируется в международную и с 2003 г. проходит в различных странах средиземноморского региона. С 1998 г. в Казани начинает проводиться школа-семинар по когнитивной и компьютерной лингвистике, создается первая в России лаборатория когнитивных исследований.

Плодотворная работа Валерия Дмитриевича предопределила успешное проведение в 2004 г. в Казани первой конференции по когнитивной науке, где юбиляр был председателем организационного комитета. На этой конференции было принято решение о создании Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований, а первым исполнительным директором МАКИ был избран Валерий Дмитриевич.

Так, наших двух юбиляров, людей с совершенно непохожими жизненными путями, принадлежащих к разным научным направлениям, смогла объединить под своей сенью Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований. И это для МАКИ характерно. Здесь легко находят точки соприкосновения интересов и общие аспекты для научного сотрудничества психологи и исследователи искусственного интеллекта, лингвисты и нейрофизиологи – множество самых разных людей, объединенных талантом, увлеченностью своей работой и общей целью – развития и продвижения когнитивной науки.

А. А. Медынцев, Д. В. Ушаков

Раздел I

Когнитивные исследования языка и речи

Исследования дискурса при речевых патологиях на материале корпуса «Russian CliPS»¹

М. Б. Бергельсон, М. В. Худякова

1. Вступление

1.1. Дискурс при патологиях речи

Особенности дискурса при приобретенных патологиях речи, в частности афазии, в последние несколько де-

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-05-0024) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

сятелетий привлекают все большее внимание клинических лингвистов. Ряд исследований клинического дискурса свидетельствует о различиях в лингвистической компетентности при афазии на микро- и макролингвистических уровнях (Armstrong, 2000; Linnik, Bastiaanse, Nijhle, 2015; Wright, 2011). Хотя некоторые исследования показывают, что при афазии структура дискурса не повреждается (Ulatowska, Doyel, Stern, Haynes, North, 1983; Ulatowska, Freedman-Stern, Doyel, Macaluso-Haynes, North, 1983), более поздние работы свидетельствуют, что это не всегда верно. Согласно ряду исследований, такие свойства дискурса, как информативность и последовательность, значительно различаются у здоровых испытуемых и при афазии (Nicholas, Brookshire, 1993; Van Leer, Turkstra, 1999; Wright, Koutsoftas, Fergadiotis, Capilouto, 2010). Однако существуют и противоположные данные (Glosser, Deser, 1990; Marini, Carlomagno, Caltagirone, Nocentini, 2005). С другой стороны, хотя повреждения правого полушария не связаны напрямую с проблемами на микролингвистическом уровне, результаты исследований подтверждают, что речь людей с повреждениями правого полушария содержит больше нарушений связности и меньше синтаксически сложных предложений, чем речь людей без повреждений мозга (Sherratt, Bryan, 2012); люди с повреждениями правого полушария также испытывают больше трудностей с пониманием речи и ее дискурсивно связным воспроизведе-

нием (Bloom, Borod, Santschi-Haywood, Pick, Obler, 1996; Brookshire, Nicholas, 1984; Joannette, Goulet, Ska, Nespoulos, 1986; Tompkins, Lehman-Blake, Baumgaertner, Fassbinder, 2001).

Цель данного исследования – выделение существенных черт, описывающих границу между дискурсивной нормой и патологией на материале корпуса Russian CliPS (Russian Clinical Pear Stories – Рассказы о грушах на русском языке в клинических популяциях) с помощью методов лингвистического, прагмалингвистического и дискурсивного анализов. В частности, анализу подвергаются оценочный, интерактивный и метанарративный компоненты дискурса, а также способы выражения эмпатии.

Проект направлен на качественную и количественную оценку дискурсивных возможностей пациентов с афазией (нарушениями речи, возникшими вследствие поражений доминантного языкового – обычно левого – полушария) и поражениями правого (не доминантного языкового) полушария (ППП) в сравнении со здоровыми носителями языка. Для этого мы используем как традиционные методы клинической лингвистики, так и общелингвистические методы дискурсивного анализа, которые ранее применялись только для характеристики дискурса неврологически здоровых носителей языка. Актуальной для современной нейро- и теоретической лингвистики является проблема границ между нормой и патологией в дискурсе для различных субъектов и

ситуаций коммуникации. Корпусный анализ позволяет сравнить различные особенности дискурса нормы с теми, что имеют место при афазии и ППП.

1.2. Корпусные исследования речи при афазии и других неврологических нарушениях

Лингвистический корпус в электронном формате – это ценнейший источник для постановки многочисленных задач и исследования отдельных групп носителей языка. Ежегодно появляется большое количество лингвистических корпусов разных объемов, создаваемых с различными целями, однако корпуса патологической речи остаются сравнительно немногочисленными. Большинство из них созданы в последние два десятилетия, например корпус речи людей с болезнью Паркинсона (Orozco, Arias, Vargas, González Rótiva, Núñez, 2014), детей с аутизмом (Black et al., 2011) и различными неврологическими нарушениями (Кибрик, Подлесская, 2013; Saz, Lleida, Vaquero Rodríguez, 2010). Использование таких корпусов для исследования патологий речи позволяет проводить анализ на микро- и макролингвистическом уровне, например, данные корпуса AphasiaBank использовались для анализа фонологии и морфологического синтаксиса (Macwhinney, Fromm, Forbes, Holland, 2011), жестов (Kong, Law, Wat, Lai, 2013; Macwhinney et al., 2011), лексического разнообразия и использования словарного запаса (Fergadiotis, Wright, 2011; Fergadiotis, Wright, West, 2013; MacWhinney, Fromm, Holland, Forbes, Wright, 2010),

аргументной структуры глагола (Malyutina, Richardson, den Ouden, 2016), а также информативности дискурса (Cohen, 2015; Richardson et al., 2016).

Создание сбалансированных аннотированных корпусов речи людей с повреждениями мозга позволит решать вопросы соотношения нарушений на различных уровнях языка при афазии и повреждениях правого полушария. Ни один из существующих корпусов не содержит сопоставления повествований людей с афазией и людей с повреждениями правого полушария одновременно. Первостепенной целью проекта Russian CliPS (Clinical Pear Stories) было исследование дискурсивных возможностей людей с афазией и с повреждениями правого полушария в сравнении с неврологически здоровыми людьми и исследование речевых нарушений на различных лингвистических уровнях.

1.3. Элицитация дискурса

Традиционные и широко используемые методы клинической лингвистики включают сбор образцов спонтанной речи при помощи зрительных стимулов. Образцы спонтанной речи могут представлять собой диалоги со специалистом по речевым патологиям или с речевым партнером (обычно это супруг(а) или родственник) (Armstrong, Ciccone, Godecke, Kok, 2011) либо личные повествования, например рассказ о происшествии, которое привело к травме (Armstrong et al., 2011; Olness, Ulatowska, 2011), о каком-либо значимом событии в жизни (Behrns, Wengelin, Broberg, Hartelius,

2009; Olness, Ulatowska, 2011), пересказ сновидения (Кибрик, Подлесская, 2013). Методы на основе зрительных стимулов широко используются как в научных исследованиях (Andreetta, Cantagallo, Marini, 2012; Marini, 2012; Olness, 2006; Sherratt, Bryan, 2012; Ulatowska, Chapman, Johnson, Branch, 1999), так и в диагностических тестах (Goodglass, Kaplan, Barresi, 2001; Kertesz, n. d.; Swinburn, Porter, Howard, 2004). Крупнейший лингвистический ресурс для изучения афатической речи, AphasiaBank, содержит коллекцию образцов дискурса на английском и других языках большого количества как здоровых людей, так и людей с афазией, аннотированных согласно стандартной схеме с использованием специального программного обеспечения CLAN (Macwhinney et al., 2011). Как и AphasiaBank, корпуса афатической речи на голландском (Westerhout, Monachesi, 2006) и греческом (Goutsos, Potagas, Kasselimis, Varkanitsa, Evdokimidis, 2011) языках содержат речевые образцы различных жанров дискурса, принадлежащие одному испытуемому, тогда как корпус Cambridge Cookie-Theft Corpus содержит описания одной и той же картины, сделанные различными пациентами с афазией (Williams et al., 2010).

Широко используются пересказы текстов или сюжетов фильма, особенно в клинической практике. Пересказ требует понимания сюжета и удержания последовательности событий в памяти, что может представлять трудность для пациентов с афазией и другими нарушениями. Однако в ис-

следовании Макнил с соавт. (McNeil et al., 2007) показано, что по ряду лингвистических показателей пересказ не имеет значительных отличий от дискурсов, полученных в результате более широко распространенных заданий.

Использование фильма для получения дискурса имеет ряд преимуществ, так как пересказ текста требует его понимания, тогда как для восприятия фильма без слов не нужны лингвистические операции. В корпусных исследованиях пересказ фильма представляет собой компромисс между экологической валидностью спонтанной речи (Van Leer, Turkstra, 1999) и однородностью получаемых дискурсов в отношении сюжета, количества персонажей и т. д. Знание сюжета фильма позволяет решить ряд проблем с аннотированием (например, указание на семантические парафазии или ассоциативные цепочки) и дает возможность сравнивать макроструктуру повествований. Также важной особенностью пересказов фильма является и то, что они порождают нарративный дискурс, так как нарратив является одним из наиболее частотных жанров дискурса в повседневной коммуникации, в рамках которого осуществляется взаимодействие человека с социумом, выражается оценка событий, проявляется интеракционный аспект коммуникации (Olness, 2006).

2. Корпус Russian CliPS

2.1. Стимул

В данном исследовании в качестве стимула использовался фильм «Груши»², который был создан в Калифорнийском университете в Беркли в 1975 г. специально для получения данных о речи носителей различных языков и культур (Chafe, 1980). Этот фильм стал основой для различных исследований дискурса на материале многих мировых языков: английского (Clancy, 1980; Erbaugh, 1990), финского (Helasvuo, 1993), греческого (Tannen, 1980), китайского (Erbaugh, 1990), японского (Clancy, 1980), языков майя (Orero, 2008) и многих других. Это цветной фильм, и, хотя он не является немым и в нем присутствуют звуки окружающего мира, герои фильма не произносят ни слова. Сюжет был написан специально для этого фильма таким образом, чтобы не напоминать никакой другой фильм, книгу или рассказ. По сюжету мальчик на велосипеде крадет корзину груш у садовника, собирающего их с дерева. По дороге мальчик встречает девочку на велосипеде, теряет шляпу, падает и роняет груши. Три местных мальчика помогают ему собрать фрукты с земли и подобрать шляпу, получая за это три груши. Затем мальчики проходят мимо садовника, который за-

² <http://www.linguistics.ucsb.edu/faculty/chafe/pearfilm.htm>.

мечает пропажу одной корзины и понимает, что мальчики едят его груши. Некоторые персонажи существенны для развития сюжета (мальчик на велосипеде, садовник, девочка, три мальчика), другие появляются ненадолго и не участвуют в дальнейших действиях (мужчина с козой, проходящий мимо). Фильм побуждает рассказчика выразить свое мнение об увиденном.

Хотя фильм «Груши» уже в течение 40 лет широко используется лингвистами для побуждения к речи, он обычно не применяется в клинических исследованиях. Мы выбрали фильм «Груши» в качестве стимула получения дискурса, чтобы интегрировать дискурсивные исследования патологической речи с анализом повествования в рамках общей лингвистики.

2.2. Рассказчики

Пациенты с афазией (40 человек, из них 17 женщин; возраст от 30 до 81 года, средний возраст 52,6 года; $SD = 10,5$) поступили в Центр патологии речи и нейрореабилитации (Москва), имея проблемы с речью после инсульта в левом полушарии, с диагнозом «хроническая афазия» (не менее 6 месяцев после инсульта), и были обследованы сертифицированным клиническим психологом по методу нейропсихологического обследования Лурии (Лурия, 1962; Akhutina, 2015). У каждого пациента из данной группы был диагностирован отдельный тип афазии. Корпус включает по 10 историй болезни на каждый тип афазии: эфферентная мотор-

ная афазия, динамическая афазия, акустико-амнестическая афазия и сенсорная афазия.

Рассказчики с повреждениями правого полушария (5 человек, из них 2 женщины; возраст от 41 до 56 лет, средний возраст 50 лет; $SD = 12,3$) были отобраны из числа пациентов стационаров реабилитационных центров г. Москвы. Все они перенесли инсульт не менее чем за 6 месяцев до исследования и не имели диагноза «афазия».

Рассказчики из группы неврологически здоровых людей (22 человека, из них 11 женщин; возраст от 25 до 84 лет, средний возраст 58 лет; $SD = 13,9$) не сообщили о каких-либо перенесенных неврологических заболеваниях или травмах головы.

Все участники исследования были правшами, носителями русского языка как родного, имели как минимум законченное среднее образование, нормальное или скорректированное зрение, нормальный слух. Информация обо всех рассказчиках содержится в таблице 1.

2.3. Процедура

Для создания корпуса Russian CliPS всех рассказчиков просили посмотреть фильм и подробно пересказать его человеку, который его никогда не видел (слушатель может присутствовать во время пересказа, либо экспериментатор сообщает испытуемому, что запись его пересказа будет прослушана позже).

Таблица 1

Демографическая информация о рассказчиках корпуса Russian CliPS

Группа	Число рассказчиков	Пол	Средний возраст	Возраст	CD
Акустико-мнестическая афазия	10	5 мужчин 5 женщин	51,3	40–68	9,4
Динамическая афазия	9	5 женщин 4 мужчины	51,8	41–68	8,1
Эфферентная моторная афазия	10	3 женщины 7 мужчин	48,6	30–57	8,0
Сенсорная афазия	10	4 женщины 6 мужчин	59,3	33–81	8,1
Поражения правого полушария	5	2 женщины 3 мужчины	50	41–56	12,3
Поражения мозга (всего)	44	19 женщин 25 мужчин	52,8	30–81	10,4
Здоровые рассказчики	22	11 женщин 11 мужчин	58	25–84	13,9

Ни экспериментатор, ни слушатель не задают вопросов во время пересказа, но могут побуждать к продолжению рассказа с помощью таких реплик, как «И что случилось потом?» или «Вы хотите что-то добавить?». Пересказы записывались на аудионоситель. Видеозапись велась с согласия испытуемого (в контрольной группе было сделано 22 видеозаписи; в группе людей с афазией и с повреждениями правого полушария – 20).

3. Схема разметки

Разметка корпуса осуществлена в программе ELAN

(Wittenburg, Brugman, Russel, Klassmann, Sloetjes, 2006).

3.1. Базовая часть

Основная часть содержит информацию, характерную для большинства речевых корпусов: расшифровку записи с указанием времени, леммы, анализ по частям речи и грамматическую информацию.

Квазифонетический слой (Transcript) скоординирован с аудио-/видеофайлами и содержит орфографическую транскрипцию записанной речи. Большинство слов в этом слое выступают в стандартном написании, однако в случае фонетической ошибки или специфического произношения транскрипция отражает эти отклонения от нормы. Например, русское слово *сейчас* в устной речи может выступать в своей полной форме либо в редуцированном варианте *щас*. При этом в письменной речи приемлем только полный вариант. В этом случае квазифонетическая транскрипция должна передать произношение, а не норму языка. Фонематические парафазии (ошибки), встречающиеся в речи людей с афазией, также отражаются в этом слое, например *велосипел* (правильно *велосипед*). Абсолютные (тишина) и заполненные (например, *хм*, *ээ*) паузы длиной более 70 мс также отмечены в транскрипте. Если какой-либо речевой отрывок неразборчив, используется пометка «Неразборчиво».

Квазифонетическая транскрипция позволяет отразить некоторые черты устной речи и фонематические парафазии, однако она затрудняет анализ лексического многообразия и

лексической насыщенности. Слой *лексической расшифровки* (Transcript_lex) содержит ту же информацию, что квазифонетический слой, но со стандартным правописанием. Лексическая расшифровка используется при подсчете показателей лексического разнообразия (поскольку различные варианты произношения одной лексемы не считаются в этом слое различными словами), а также для целей исследования макроструктуры текста.

Слой *лемм* (Lemma) содержит все начальные формы слов, а слой *англоязычных лемм* (Lemma_eng) – перевод всех слов на английский язык. В сочетании с данными грамматического слоя это дает возможность использования данных корпуса Russian CliPS также нерусскоязычными исследователями.

Схемы *маркировки частей речи* и указания *грамматических категорий* даются по руководству Национального корпуса русского языка³. Каждая грамматическая категория указывается в отдельном слое программы ELAN (всего 13 слоев).

3.2. Деление на сегменты

3.2.1. ЭДЕ

В зависимости от подхода исследователи используют различные критерии при сегментации устных монологов. Они могут быть основаны на синтаксической структуре, семантике, просодии или на их сочетании. Деление происходит на «высказывания» (Marini et al., 2011), коммуникативные еди-

³ <http://www.ruscorpora.ru/en/corpora-morph.html>.

ницы (Armstrong et al., 2011), тематические единицы (Marini et al., 2005), вербализации (Glosser, Deser, 1990), элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) (Carlson, Marcu, 2001; Kibrik, 1996; Mann, Thompson, 1988; Taboada, Mann, 2006), минимальные единицы дискурса (Degand, Simon, 2005), составляющие единицы дискурса (Polanyi, 1985). В нашем исследовании мы используем термин «элементарные дискурсивные единицы» (ЭДЕ) для обозначения минимального сегмента и термин «высказывание» для обозначения грамматически более сложной единицы.

Спонтанная речь часто содержит множество прерываний, речевых ошибок, неполных и грамматически неверных предложений, пауз, фальстартов, повторов, что затрудняет сегментацию устного дискурса. Кроме того, в отношении речи испытуемых с афазией и с повреждениями правого полушария сложно применять синтаксические и просодические критерии, так как синтаксис и просодия у таких людей могут быть нарушены (Alexander, Hillis, 2008; Heilman, Leon, Rosenbek, 2004; Seddoh, 2004).

Мы используем грамматический, а не просодический (Кибрик, Подлесская, 2013) принцип деления повествования на ЭДЕ. ЭДЕ – это часть предложения со сказуемым или опущенным сказуемым (например, «*мальчик на велосипеде к дереву*»/the boy on the bike to the tree). Каждый финитный и нефинитный предикат (включая причастия и деепричастия) относится к отдельной ЭДЕ, кроме случаев повтора и поис-

ка слов. Если синтаксической информации недостаточно для суждения о границах ЭДЕ, используются данные просодии.

3.2.2. Высказывания

Высказывание определяется как главное предложение вместе со всеми придаточными (Glosser, Deser, 1990). Соотношение между количеством высказываний и количеством главных и придаточных предложений может рассматриваться в клинической лингвистике как мера грамматической сложности (Andreetta et al., 2012).

3.2.3. Станзы

Разделение на *сцены* основано на семантическом критерии. *Сцена* (scene, или stanza) – это термин, используемый в основном при анализе повествования и обозначающий группу строк (ЭДЕ), объединенных общей темой (Gee, 1985).

3.3. Особые слои

Смех указывается в особом слое (Laughter) и соотносится со звуковой волной. Указание на смех позволяет анализировать его как маркер когнитивных затруднений, связанных с неспособностью найти нужное слово, как реакцию на события фильма, предъявляемого в качестве стимула, либо как маркер неудовлетворенности рассказчика качеством своего повествования в целом (Khudyakova, Bergelson, 2015).

Грамматические, семантические и фонетические ошибки указываются в особом слое (Errors). Фонетические ошибки включают замену одного звука другим, например *сапка* (правильно *шапка*); пропуск фонемы или включение лиш-

ней фонемы, например *поропал* (правильно *пропал*), а также использование слова, фонетически близкого к искомому, но семантически отличающегося от него, например *грустные* вместо *груши*. Семантические ошибки включают использование слова, входящего в ту же семантическую категорию, что и искомое слово, например *яблоки* вместо *груши* или *овца* вместо *коза*. В некоторых случаях различить эти два типа ошибок невозможно: например, использование слова *сановник* вместо *садовник* может рассматриваться и как фонетическая (замена «д/» на «н»), и как семантическая ошибка (использование неверного слова из категории «профессии»). В этом случае указываются оба типа ошибок. Грамматические ошибки включают ошибки в согласовании падежей и чисел.

3.4. Анализ макроструктуры

Провести качественное сравнение текстов и описать особенности различных стратегий позволяет анализ в терминах дискурсивных грамматик. В рамках дискурсивных грамматик можно не только оценить связь каждого высказывания с общей темой дискурса и другими высказываниями, но и обозначить его роль, отнести его к содержательному, оценочному или иному компоненту высказывания.

В клинической лингвистике, как правило, используют модифицированные версии дискурсивных грамматик (Labov, 2008; Longacre, 1996), например, Марини (Marini, 2012) использует краткую версию типов высказываний по Лонгакре (Longacre, 1996) и Лабову (Labov, 2008), приписывая каждо-

му высказыванию один из четырех типов: сюжетная линия, фон, ирреалис и оценка. Использование в данном проекте (в дополнение к упомянутым) такого параметра, как квазинарративный тип изложения, позволяет описать дискурсивные стратегии, характерные для всех групп испытуемых.

Анализ макроструктуры дискурса производится в терминах дискурсивных грамматик, компонентов жанровой схемы рассказа (Bergelson et al., 2014; Labov, 2008; Longacre, 1996; Polanyi, 2003) и прагмалингвистического анализа (Jucker, 1986). Для этого проекта нами были выработаны виды разметки жанровой схемы в рамках метанарративного, оценочного и интерактивного компонентов рассказов, которые позволяют выявить особенности текстов заданного жанра (пересказ видеофильма).

Анализ нарратива на макроуровне для корпуса Russian CLiPS предполагает анализ пересказов с точки зрения соответствия его жанровой схеме рассказа. Этот анализ делится на две последовательные стадии: *разбиение рассказа на сцены (станзы)* и *разметку по компонентам* (приписывание каждой сцене тега, обозначающего один из *компонентов жанровой схемы рассказа*, и затем приписывание каждому высказыванию внутри сцены *типа компонента*). *Сцена* – это последовательность высказываний, произведенных в рамке одной перспективы, т. е. внутри сцены не происходит смена перспективы. И наоборот, граница между сценами определяется сменой перспективы.

С точки зрения метанарративного уровня сцены могут принадлежать одному из двух миров: *миру истории*, о котором повествует рассказчик, и *миру рассказывания* (Барт, 1987; Падучева, 2008; Norrick, 2000).

3.4.1. Мир истории

Внутри *мира истории* сцены получают тэги, описывающие их как *зачин*, *кода*, *описание*, *ОЛ* (*основная линия*) или *оценка*. Зачин и кода являются «устойчивыми» компонентами и чаще всего встречаются, соответственно, в начале и конце рассказа по одному вхождению компонента на рассказ.

Пример 1 (зачин)⁴. «Первое что мне понравилось это природа... картинка природы и приятная уху. звуки которые идут с пленки... по-моему это или Италия. Или Испания. Нет?»

Описание, *ОЛ* и *оценка* являются «подвижными» компонентами – могут перемежаться друг с другом, встречаться в разных местах истории и по несколько раз в одном рассказе.

Сцены состоят из строк (ЭДЕ). Для целей анализа на макроуровне деление на высказывания не является существенным. Внутри сцены каждая строка получает тэг *типа компонента*.

Компонент *описание* может включать следующие типы

⁴ В текстовых примерах мы не используем стандартные знаки препинания, поскольку они отсутствуют в транскриптах устных рассказов; для передачи членения на строки используются многоточия.

компонентов: *введение, добавление, пояснение, уточнение, содержание и цитация*. *Введение* встречается в начале рассказа и представляет собой исходную картинку, экспозицию рассказа (тэг *intro*). *Добавление* представляет собой новую для данной точки рассказа информацию (тэг *add*), она типично вводится дискурсивными маркерами (*при этом, также*). *Пояснение* представляет собой детализацию уже введенной описательной информации (тэг *det*). *Уточнение* отличается от *пояснения* тем, что характеризует вводимую информацию по ее связи (причинной, временн ́й, условной и т. п.) с событиями истории (тэг *circ*); сюда, в частности, относятся обстоятельственные придаточные причины, условия, времени, цели, способа действия, а также относительные придаточные, составляющие высказывания на *ОЛ*, в рамках *описания, оценки*. *Содержание* представляет собой содержание речи (косвенную речь) и мыслей персонажей рассказа (внутреннюю речь) (тэг – см. ниже про *оценку*). *Цитация* – это своего рода разновидность *содержания*, так как представляет собой прямую речь персонажа рассказа или «внутреннюю речь», т. е. передачу мыслей персонажа рассказа средствами прямой речи (тэг *cit*).

Компонент *основная линия*, обозначающий непосредственно события, произошедшие в мире истории, включает в себя два типа компонентов – *события* и *квазисобытия*. Первые представляют собой ЭДЕ, включающие в свой состав событийные предикаты – действия и процессы, вторые

– эпистемические предикаты и предикаты речи, обозначающие в контексте пересказов квазиговорение, квазиразмышление и квазивосприятие. Характеристика этих предикатов как «квази-» призвана передать тот факт, что при пересказе видеофильма соответствующие ситуации являются домысливанием со стороны рассказчика предполагаемых им ненаблюдаемых действий персонажа рассказа.

Компонент *оценка* включает в себя два типа компонентов: суждения о достоверности события (тэг *est*) и мнения (тэг *jdg*), т. е. собственно аксиологическую оценку в терминах «хорошо – плохо» и «нравится – не нравится». При этом субъектом мнения или суждения является персонаж, действующий в мире истории (*мальчик решил, что груши ничьи; садовник подумал, что это его груши*). Предикаты суждения или мнения в этом случае принадлежат *ОЛ*, а их содержание и составляет *оценку в мире истории*.

Тип компонента характеризует именно ЭДЕ, а не всю сцену; тем самым внутри одной сцены, получившей тэг (например, *основная линия* – подчеркнута в примере), могут встретиться перебивающие ее *типы компонентов*, относящиеся к *оценке* или *описанию*.

Пример 2. И в общем... я бы не сказала... что потихоньку... уезжает... удивляюсь... почему мужчина его не заметил

3.4.2. Мир рассказывания

Метакомпонент *мир рассказывания* также включает *оцен-*

ку, но только самого рассказчика, и *маркеры интеракции* (ИМ). Оценка и ИМ принадлежат миру рассказывания, т. е. непосредственной коммуникативной ситуации. Поэтому в этих компонентах часто присутствуют шифтерные и собственно дейктические элементы. Также частью мира рассказывания являются и *маркеры эмпатии* (ЭМ).

Сцены внутри *мира рассказывания* представляют собой *предикативные маркеры интеракции* – см. пример 3.

Пример 3. Не знаю... доволен он или нет... эмоций
я не замечала там особенно ни у кого

Помимо предикативных маркеров интеракции, образующих сцены, компонентом *мира рассказывания* являются и другие виды *маркеров интеракции*, выступающих в виде собственно дискурсивных маркеров и обозначающих некоторое коммуникативное взаимодействие рассказчика с адресатом. Они аннотируются в отдельном слое и включают в себя следующие типы: заполненные паузы, регуляторы речевого потока, повторы, придающие значимость информации, фальстарты с исправлениями и без, структурные фальстарты, маркеры привлечения внимания адресата и некоторые другие дискурсивные маркеры.

Регуляторами речевого потока и информации (*reg*) являются как заключающие сцену дискурсивные маркеры типа *вот, так, ну все*, так и ответные реплики типа *ну да, нет, не совсем, согласен*.

Повторы (тэг *rp*), привлекающие внимание адресата к

значимости повторяемой информации, часто (особенно для афатического дискурса) могут быть связаны с трудностями ментального поиска. Повторы позволяют производить сравнение между различными группами испытуемых. Принято считать, что повторы в дискурсе здоровых испытуемых являются результатом собственно интеракции с адресатом или оценки, но не ментального поиска, что характерно для патологии. Наши данные опровергают это утверждение.

Аналогично обстоит дело с фальстартами (тэг *fs*) и заполненными паузами (тэг *fill*).

Вслед за Кибрик и др. (2009) мы различаем просто фальстарт (тэг *fs*) и структурный фальстарт (тэг *sfs*). Первый – аналогично повторам – может быть результатом сознательной перестройки, а может быть попыткой людей с речевыми нарушениями произнести трудно дающееся или плохо найденное слово. Структурный фальстарт ассоциируется с сознательной стратегией при построении текста и сопровождается самоисправлением говорящего. Результатом обычного фальстарта может быть самоисправление говорящего (тэг *fs/rep*) или замена номинации – тогда это переходит в разряд структурного фальстарта. В клиническом дискурсе у людей с речевыми нарушениями замена номинации не обязательно означает сознательную перестройку, но может представлять собой стратегию ухода от недоступного слова. В различении этих двух случаев большую роль должны играть паузы при фальстарте. В примере 4 номинация *мужчина* представляет

собой не разрешенный структурный фальстарт (решение заменить слово *садовник* на слово *мужчина*), но неудавшуюся попытку произнести *садовник* и уход к более простой номинации, т. е. просто фальстарт, не завершившийся исправлением.

Пример 4. *Чтобы з [= мужчина] собирает в саду эти груши... з [= мужчина]*

Заполнение пауз маркерами-филлерами (тэг *fill*) стандартно обозначает ментальный поиск, вызванный когнитивными затруднениями. У испытуемых с афазией они выражены гораздо сильнее и потому для нашего исследования должны попадать в разметку на уровне интеракции.

4. Заключение

Материал корпуса, используемый нами в данном проекте, нарративы «О грушах», позволяет не только провести качественное сопоставление некоторых дискурсивных характеристик при афазии и в норме, но и вписать эти результаты в международный контекст исследований дискурса на разных языках. В частности, он позволяет по-другому взглянуть на то, как проводится граница между нормой и патологией, и дает возможность использовать для объяснения особенностей клинического дискурса те механизмы, которые были выработаны общей лингвистикой. Кроме того, этот матери-

ал позволяет увидеть нарративные стратегии, используемые здоровыми носителями языка при выполнении экспериментального задания (пересказа видеоматериала), и убедиться, что они во многом мотивированы спецификой тестовой ситуации.

Литература

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.

Падучева Е. В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики. 2008. № 4. С. 56–86.

Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлесская. М.: Языки славянских культур, 2013.

Akhutina T. Luria's classification of aphasias and its theoretical basis // *Aphasiology*. 2015. Aug. P. 1–20. URL: <https://doi.org/10.1080/02687038.2015.1070950> (дата обращения: 23.04.2016).

Alexander M. P., Hillis A. E. Aphasia // *Handbook of Clinical Neurology* 2008. V. 88. P. 287–309. URL: <https://>

doi.org/10.1016/S0072-9752(07)88014-6 (дата обращения: 13.06.2011).

Andreetta S., Cantagallo A., Marini A. Narrative discourse in anomic aphasia // *Neuropsychologia*. 2012. V. 50 (8). P. 1787–1793. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2012.04.003> (дата обращения: 23.05.2013).

Armstrong E. Aphasic discourse analysis: The story so far // *Aphasiology*. 2000. V. 14 (9). P. 875–892. URL: <https://doi.org/10.1080/02687030050127685> (дата обращения: 13.04.2010).

Armstrong E., Ciccone N., Godecke E., Kok B. Monologues and dialogues in aphasia: Some initial comparisons // *Aphasiology*. 2011. V. 25 (11). P. 1347–1371. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02687038.2011.577204> (дата обращения: 14.11.2013).

Behrns I., Wengelin A., Broberg M., Hartelius L. A comparison between written and spoken narratives in aphasia // *Clinical Linguistics & Phonetics*. 2009. V. 23 (7). P. 507–528. URL: <https://doi.org/10.1080/02699200902916129> (дата обращения: 23.04.2016).

Bergelson M. B., Akinina Y., Shitova N., Khudyakova M. V., Melikyan Z., Dragoy O. V. Asymmetric brain damage effects on narrative production // *Proceedings of the Sixth International Conference on Cognitive Science*, 2014. June 23–27. Kaliningrad, Russia P. 728–729.

Black M. P., Bone D., Williams M. E., Gorrindo P., Levitt P., Narayanan S. S. The USC CARE Corpus: Child – psychologist interactions of children with autism spectrum disorders // Proceedings of the Annual Conference of the International Speech Communication Association. 2011. P. 1497–1500.

Bloom R. L., Borod J. C., Santschi-Haywood C., Pick L. H., Obler L. K. Left and right hemispheric contributions to discourse coherence and cohesion // The International Journal of Neuroscience. 1996. V. 88 (1–2). P. 125–140. URL: <https://doi.org/10.3109/00207459608999818> (дата обращения: 23.04.2016).

Brookshire R. H., Nicholas L. E. Comprehension of directly and indirectly stated main ideas and details in discourse by brain-damaged and non-brain-damaged listeners // Brain and Language. 1984. V. 21 (1). P. 21–36.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.